

матери. Индра принимает дружбу с Гарудой и обещает исполнить любое его желание.

«Пусть змеи будут моей пищей» — такова просьба Гаруды. Отсюда, согласно мифологической традиции, и берет начало вечная вражда пернатого и ползучего народа.

Вернувшись с амритой, Гаруда предлагает змеям прежде, чем вкушать священный напиток, совершить положенное омовение. Змеи освобождают Винату и совершают нужный ритуал, а тем временем Гаруда передает священный напиток Индре, который уносит его обратно на свое небо. Не найдя желанной амриты, змеи бросаются лизать траву, на которую попали отдельные капли напитка. Поскольку эта трава, называемая куша, имеет острые края, язык у змеи раздвоился, трава же куша с тех пор стала почитаться как священная.

Как и большинство мифологических сюжетов, похищение Гарудой амриты имеет свои дополнительные тематические линии. Так, рассказывается, что во время пребывания Гаруды на небесах богов он встретился с Вишну, при этом Гаруда почувствовал себя настолько сильным, что пожелал стать выше Вишну. Видимо, в этом рассказе нашел отражение период, когда еще шел процесс становления верховного положения великих богов триады. Победа оказывается за Вишну — он занимает более высокое положение, выше Гаруды, последний же становится его ваханой — ездовым животным.

Характерно и вполне закономерно, если иметь в виду излагаемый сюжет извечной связи змей и птиц, что главные антиподы — космический змей Шеша и солнечный орел Гаруда — оба выступают в качестве вахана Вишну. Извечные враги встретились в служении одному божественному господину!

¹ Атхарваведа. Избранное. М., 1989.

² Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 151.

³ См. кн.: Махабхарата. Ади парва. М.; Л., 1950. С. 75 и далее.

⁴ Махабхарата. Ашхабад, 1985. Вып. III. С. 470.

⁵ Hutton J.H. The Angami Nagas. London, 1921. P. 267.

Н. Г. Краснодембская

ЛУИ ДЮМОН: КТО ОН ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ?

Луи Дюмон (1911—1998) является ярчайшим представителем французской антропологической школы.

Появление в 1966 г. его книги «Человек иерархический», посвященной изучению системы индийских каст, было подобно своеобразному взрыву в мировой антропологической науке. В этой книге Луи Дюмон поставил новые цели и выработал свои подходы в изучении чужой оригинальной культуры. Он выступил против того, чтобы «измерять и описывать» изучаемое этнографическое явление «чужими мерками», демонстрируя

нежелание пользоваться заранее определенными и сконструированными схемами, и просто «накладывать» их на объект исследования. Фактически он предлагал изучать функционирование явления исходя из его собственных, внутренних законов, не привнося гетерогенных концептуальных категорий. Вообще он всегда чуждался отвлеченных построений и схем.

Относительно касты он полагал, что она представляет собой оригинальную цивилизационную модель, построенную на собственных сознательных принципах, и надо начинать с изучения этих принципов, а не применять в приложении к ней неких внешних понятий и идей, т.е. присущих иной и посторонней этнокультурной среде. Он так и делал, базируясь в своих исследованиях как на изучении письменных памятников, т.е. религиозных и иных текстов, так и на собственно этнографических материалах, в том числе на своих полевых наблюдениях и опросах.

В идеологической основе каст, этой сугубо индийской социальной системы, Дюмон выделил, как первичный принцип, понятие о ритуальной чистоте и нечистоте, определяющее все главные параметры общественного поведения индусов. Он оценил иерархию в качестве основного принципа устройства индийского общества, диаметрально противоположного современному западному миру, строящему свой социум на эгалитарных принципах. По его интерпретации, каста отличается от других форм социальной стратификации расхождением между ритуальным статусом и светским (т.е. политико-экономическим положением) в рамках одной и той же социальной системы. Последнее, хотя в принципе противоположно первому, входит в него или, если сказать иначе, заключено в нем. Он назвал эти отношения *иерархией* «включающего» и «включенного», отличая ее от простого ранжирования или неравенства. В индийской кастовой иерархии, по утверждению Дюмона, возникают совершенно особенные соотношения между властью и статусом, властью и авторитетом, достаточно непривычные для западного менталитета, и нужны определенные усилия и особый тонкий анализ идеологических основ и условий функционирования кастовой системы, чтобы выявить эти особенности.

В своей книге он и дал определение главных понятий данной системы, проанализировал историю индийских варново-кастовых институтов, а также и научных воззрений и подходов к их изучению, рассмотрел вопросы касты и разделения труда, кастовых регламентаций брака, контактов и отношения к пище, проблемы управления в касте, неприкасаемости и отречения, соотношения касты и деревенской общины, касты и секты с группами иной религиозной принадлежности. Он описал региональные формы кастовых образований, сопоставил традиции юга и севера Индии, эпоху древности и средневековья — с современностью. Он утверждал — чтобы оценить общество, необходимо выявить и осознать систему ценностей, которым оно привержено и в соответствии с которыми организовано.

Как общий метод Дюмон использовал выявление структуры и функций объекта изучения, а также — сравнительный анализ. В частности, Дюмон полагал, что чем глубже различия между двумя культурами, тем больше вероятность, что их сравнение приведет к большему пониманию их

обеих. К способу сравнения автор прибегал на разных и многих уровнях, но кардинальным для него являлось противопоставление идеологии, институтов и в целом ментальности и образа жизни традиционного общества Индии и современного западного, которое он продолжил в таких трудах, как «Человек Равный. Генезис и развитие современной идеологии» (1977; в переводе на английский язык, вышедшем в Чикаго, этот труд получил название «От Мандевиля до Маркса. Генезис и триумф экономической идеологии»); «Очерки индивидуализма. Современная идеология в свете антропологии» (1983); «Человек Равный-2. Немецкая идеология. Франция—Германия и обратно» (1991).

Дюмон описывает западное общество как концентрирующееся вокруг эгалитарных ценностей, которые он противопоставляет ценностям иерархическим, преобладающим в индийской культуре, а также в принципе свойственным и прочим культурам или обществам, которые принято именовать традиционными или «досовременными». Дюмон признавался коллегам, что именно Индия помогла ему осознать и решить проблематику Запада. Индивидуализм Запада и его подоснова — эгалитаризм — делаются более понятными, утверждал Дюмон, в свете «холизма» (его термин для обозначения подхода к изучаемому объекту в его целостности) и иерархии. Индивидуализм подается им как глобальная идеология современного западного общества, которая выдвигает на первый план мир светский и способствует волонтаристскому действию в отношении к нему *из него самого*. Первенство экономической категории и индивидуализма взаимно влекут за собой одно другое. Иерархическое общество Индии представляется ему более гармоничным и менее подверженным потрясениям и изменениям.

Конечной целью его исследований было — через постижение разнообразия, которое заключают в себе общества и культуры, обнаружить присутствие универсальных или общих форм и черт человеческого разума и идеологий. Им также провозглашалась идея дистанцированного взгляда на самих себя. В целом он больше обращал интерес науки об обществе и познании в русло критического осмысления идеологий и ценностей.

Критика его трудов была обширна, возражения и соображения различных авторов чрезвычайно разноплановы и разнообразны, в полном соответствии с тем, насколько многоплановы, глубоки и содержательны сами работы Дюма.

Многие были поражены уже самим призывом Дюмона соединить усилия традиционной (то есть филологической) индологии и социологии. Других шокировал его общий подход к теме, потому что в это время в академической среде, которой Дюмон принадлежал, преобладали, главным образом, леви-строссовский структурализм и марксистское направление. В ответ на его собственные упреки в адрес западных коллег, современников и предшественников в социоцентризме и своего рода европоцентризме Дюмон слышал обвинения в слепой приверженности брахманским теориям и концепциям каст в целом — в ориентоцентризме. Хотя как явный наследник социологической школы Дюркгейма он, безусловно, делал четкое различие между местной точкой зрения и социологическом знании о ней. Его упрекали в преувеличении значения идеологии и ценностных ориентаций, хотя, если судить объективно, нельзя не признать, что, изучая идеологию, он не меньше интересовался

и материальной культурой и социальными институтами, никогда не утрачивая интереса к конкретному факту.

Многие с трудом могли понять и принять саму критику «демократии и равенства» как системы ценностей, которая не отделима от западной идеологии и менталитета самих западных ученых. Возникали даже политические намеки: Дюмону припоминали его юношеские увлечения литературой ориенталистской и эзотерической направленности, антимо-дернистской по духу, с неким «правым» уклоном.

Гораздо меньше, можно сказать ничтожно мало, было замечаний и возражений против его собственно индологических выкладок.

И в самом деле, такое общество, с описанной Дюмоном идеологией, реально существует. Эта идеология отражается не только в социальном устройстве, но и во всем поведении его субъектов. Описание Дюмоном индийского общества, каким бы оно ни было «субъективным», не только адекватно отражает реалии бытия, но имеет и практический смысл. Прочитав его труд, гораздо точнее и яснее понимаешь сами факты индийской жизни. Коллективизм (обозначим этим простым и вполне понятным человеку русской культуры словом тот сложный социально-мировоззренческий комплекс, который и изучал Дюмон в Индии) — это не только идеология и образ жизни, но и важный элемент психологии индийца.

Может быть, разброс мнений, сомнений и недоумений в отношении работ Луи Дюмона был бы несколько меньшим, если бы сообщество коллег точнее определило для себя, к какому научному жанру относятся его исследования. В данном случае специализация областей социальной и культурной антропологии, как их принято определять в западной науке, мешает этому пониманию. Обратим внимание, что, работая с идеологиями и социальными моделями, Дюмон прежде всего помещается и действует в поле *культурной антропологии*. Если мы, как принято у нас, назовем эти труды *этнографическими*, то многие вопросы будут просто сняты и комплексность исследований станет выглядеть их большим достоинством. К тому же следует добавить, что подавляющее большинство работ Дюмона можно отнести к междисциплинарным и в более широком смысле.

Идеи Дюмона так или иначе пресуществляются в сознании многих современных исследователей (индологов, этнографов, социологов, философов). Принимают их или нет конкретные ученые, по крайней мере, теперь уже невозможно заниматься вопросами касты и многими другими, не обдумав идеи, положения и выводы Луи Дюмона. Убедительность его вклада в науку ни у кого не вызывает сомнений. В течение последних тридцати лет роль его была велика в области социальной антропологии, он оказал влияние и на сравнительную социологию; может быть, менее очевидно, но несомненно его воздействие на возникновение новых идей и открытий в области истории политической мысли и философии познания. Его воззрения, безусловно, открыли путь к новым идеям во всех этих областях.